

Тоба Цзюнь не стерпел жалости к ней, поэтому лишь притянул девушку ближе к себе, направляясь в самую гущу толпы. Однако, помня о хрупком здоровье девы, он не прижимал её слишком сильно, лишь громогласно приказал:

— Не смейте никого калечить!

Получив нагоняй, Чэн Дэ тут же вогнал меч в ножны, причем, ножны тоже оказались весьма полезны: он от души огрел ими особо напиравших горожан, и те, схватившись за ушибленные плечи, уже не смели больше бесчинствовать. Беспорядки удалось унять едва ли не мгновенно.

Тоба Цзюнь немного расслабился и, повернувшись, хотел было что-то сказать девушке, как вдруг заметил в её влажных глазах отсвет холодного блеска и мимолётное выражение испуганного прозрения. В следующую секунду он почувствовал, как девушка изо всех сил толкнула его и, развернувшись боком, заслонила собой...

— Берегитесь, Ваше Высочество! — раздался окрик Чэн Дэ.

Повинуясь инстинкту, Тоба Цзюнь качнулся в сторону, но кинжал убийцы всё же полоснул его по половине предплечья и одновременно неотвратимо скользл по хрупкой спине девушки.

— Ах!

— Он мертв! У него изо рта кровь идёт!

— Кровь чёрная...

Пострадавшие в ужасе шарахнулись назад. Нападавший, не сумевший довести дело до конца, уже сам нанёс себе удар в грудь обратным хватом. Во рту его был яд, спасти негодяя было поздно — судя по всему, он заранее приготовился к смерти. Это вовсе не походило на выходку обычного наёмника, скорее напоминало смертника — тайного воина, выращенного на убой...

Тоба Цзюнь лишь бросил на мертвеца беглый взгляд, в голове у него на миг помутилось, а всё внимание сосредоточилось на девушке. С беспокойством осматривая её, он позвал:

— Чанжу... ты в порядке?

Девушка полностью обмякла в его объятиях, сквозь её бледно-голубое летнее платье проступала кровь. Подняв глаза, он заметил, как её лицо стремительно бледнеет.

— Ваше Высочество...

Слабый шёпот оборвался, и она без чувств обмороке упала на руки.

Зрачки Тоба Цзюня судорожно затрепетали. Подхватив её на руки, он круто развернулся и бросился в город, совершенно забыв о царившем позади хаосе.

Чэн Дэ остался разгребать последствия: смирившись со своей участью, он велел увезти тело для дальнейшего разбирательства, а заодно разогнал перепуганную толпу. Даже убедившись, что среди зевак больше нет убийц, он не осмелился ослабить бдительность — в конце концов, всех подозрительных просто скрутили, чтобы допросить после того, как ван придёт в себя.

Тем временем в самом городе вновь поднялась буря из-за покушения на князя Гаояна.

Тоба Юй тщательно спланировал этот спектакль и теперь под предлогом ликвидации последствий бедствия поджидал во дворце вестей о смерти князя Гаояна. Он никак не ожидал, что человек, которому было предназначено умереть, похоже, отделался лишь легким испугом.

Взгляд Тоба Юя постепенно потемнел. Юноша, не отвлекаясь ни на что, унёс потерявшую сознание девушку прочь, оставив за спиной лишь шепотки зевак.

На князя Гаояна было совершено покушение, но, к счастью, он остался жив, а та, кого он прижимал к груди — его спасительница.

Выходит, их обманули...

Шаги Тоба Юя замедлились. Вспомнив промелькнувшие перед глазами бледное лицо девушки и ярко-алые пятна крови на её спине, он почувствовал, как мягкая маска на его лице треснула и разлетелась на куски под ударом правды. Выражение его лица стало мрачным и свирепым, точно у демона, выбравшегося из преисподней.

Глава 37. Ли Чанжу (37)

Впервые за все свои двадцать лет Тоба Цзюнь потерял голову от ужаса. Ворвавшись с девушкой на руках во дворец, он заорал:

— Зовите лекаря!

Кронпринцесса как раз находилась во дворце. Узнав о покушении на сына, она собиралась сама выехать на поиски, но столкнулась с тем, что её собственный мальчик стремглав вбегает внутрь, прижимая к груди какую-то девушку. Инстинктивно последовав за ним, кронпринцесса велела проводить лекаря во внутренние покои, где и уложили пострадавшую.

Только после этого она отвела сына в сторону, чтобы внимательно осмотреть. Увидев

сочающуюся сквозь кровь рану на руке, она не сдержала слёз:

— Лекарь, скорей осмотрите Ваше Высочество...

— Матушка, это всего лишь царапина...

Лекарь суетливо принялся за дело, одновременно утешая женщину:

— Не беспокойтесь, Кронпринцесса. Рана поверхностная, стоит Вашему Высочеству как следует перевязать её, и через несколько дней всё заживёт...

Только тогда сердце кронпринцессы немного успокоилось. Заметив, что сын возится с собственной раной спустя рукава, а взгляд его всё время норовит ускользнуть вглубь покоев, словно он пытается заглянуть за плотные завесы, она спросила:

— Что за девица?

— Она сегодня спасла мне жизнь, она моя спасительница...

Кронпринцесса обычно вела уединённый образ жизни и редко следила за слухами внешнего мира, а потому ничего не знала о молве, ходившей вокруг сына и этой девицы. Однако Тоба Цзюнь больше не желал ничего скрывать:

— Она — Третья госпожа из резиденции министра. Сын любит её и хочет взять в жёны.

Кронпринцесса была не слишком высокого мнения о резиденции министра.

К тому же...

Тон кронпринцессы стал прохладным:

— Происхождение слишком низкое... То, что она спасла тебя, заслуживает награды, но жениться на ней из-за этого нельзя... Тебе подобает взять в жёны девушку из благородного и влиятельного рода, которая станет тебе опорой...

Тоба Цзюнь никогда не задумывался о знатности происхождения. Стоило ему лишь вспомнить тот острый клинок, едва не пронзивший её хрупкое тело, как сердце вновь сжималось от панического страха:

— Матушка, умоляю вас.

— Сын любит её и хочет жениться только на ней. Знатность рода и высокие должности не имеют для меня никакого значения. Надеюсь на ваше благословение, матушка.

Впервые видя сына столь непреклонным в какой-то просьбе, кронпринцесса приоткрыла рот, на миг растерявшись. В этот момент к ним семенящей походкой приблизился дежуривший у покоев императора евнух:

— Кронпринцесса, Его Величество призывает вана на доклад в Передний зал, раб послан передать повеление.

Что за срочные дела могли возникнуть? Разумеется, это связано с покушением. Тоба Цзюнь подавил тревогу и тоску, с перевязанной раной направившись в зал совещаний.

Проводив сына долгим взглядом, кронпринцесса подумала немного и всё же зашла во внутренние покои. Некоторое время она вглядывалась в бледное лицо девушки, размышляя о том, что у столь хрупкой особы хватило мужества пожертвовать собой ради другого. Сердце кронпринцессы постепенно смягчилось.

Пусть происхождение простовато, но по крайней мере у неё доброе сердце...

—————

Тем временем в тронном зале.

Император восседал на драконьем престоле с мрачным и суровым выражением лица. Тяжёлое безмолвное давление разливалось сверху вниз, в зале царила мёртвая тишина. На коленях у левой колонны застыл Тоба Юй; он опустил голову в почтительном поклоне, скрывая истинное выражение лица. Рядом с ним на коленях стояло ещё несколько человек с совершенно незнакомыми лицами...

Тоба Цзюнь прошёл к своему месту. Неподалёку от него валялся знакомый труп — тот самый наёмник, что всего пару часов назад попытался совершить покушение и покончил с собой.

Император в первую очередь осведомился о состоянии внука. Убедившись, что рана на руке не опасна, а цвет лица вполне здоровый, он немного успокоился и перевёл взгляд на стоящих внизу:

— князь Наньань, доложи подробно, кем был этот негодяй.

— Отвечаю Вашему Величеству, — начал Тоба Юй. — Мне было поручено досконально расследовать дело о предыдущих покушениях на князя Гаояна. В ходе сыска выяснилось, что с поджогом постоянного двора связан его хозяин, который вступал в контакты с управляющим резиденции Дунпин-вана. Сам Дунпин-ван правит своим уделом жестоко и беспощадно,

пользуясь стихийными бедствиями для личного обогащения и не заботясь о простом народе. Сегодняшнее происшествие в пригородной зоне также было устроено Дунпин-ваном, дабы замести следы своих грехов в управлении затопленными землями. Не смея скрывать правду, я взял под стражу всех причастных свидетелей дожидаться приговора и покорно жду решения Вашего Величества.

Голос Тоба Юя звучал звонко и чеканно, однако каждое его слово мгновенно остужало атмосферу в зале до леденущего холода. Двор двор... Заседание уже закончилось, и император не стал задерживать сановников — в зале остались лишь члены императорской семьи. Но именно оттого, что просторный тронный зал казался почти пустым, давящая тяжесть ощущалась ещё острее.

Император долго размышлял, а затем холодно хмыкнул:

— Ты хочешь сказать, что Дунпин-ван не только неоднократно пытался убить князя Гаояна и мучил воду втайне, наживаясь на беде, но когда всё вскрылось, попытался ещё и замести следы убийством?

Тоба Юй ответил:

— Ваше Величество, всё именно так, сын не смеет лгать.

Император:

— Где Дунпин-ван?

Цзун Ай, будучи доверенным евнухом императора, с самого утра отправился с поручением в резиденцию Дунпин-вана. Сейчас он спешно вошёл в зал, выглядя несколько встревоженным:

— Ваше Величество, Дунпин-ван вчера вечером перебрал вина и до сих пор мертвецки пьян...

Какая ничтожная, погрязшая в пьянстве тварь.

Брови императора сошлись на переносице. Получив знак, Цзун Ай поспешно приволок провинившегося: зачерпнув чашу чаю, он плеснул её прямо в лицо Дунпин-вану, чтобы привести того в чувство. Почувствовав леденящую влагу, тот мгновенно взревел:

— Собачий раб, как ты смеешь!

Поясница Цзун Ая согнулась ещё сильнее, он шлёпнулся на колени:

— Раб в ужасе...

Дунпин-ван кое-как поднялся на ноги, шатаясь. Его взгляд упал на тёмно-коричневую фигуру, и в затуманенных алкоголем глазах вспыхнул дикий, хищный блеск.

— Мой... трон... драконье кресло...

С этими словами он попытался броситься в сторону императора. К счастью, Цзун Ай проявил сноровку и вцепился ему в ноги: оба покатались по полу. Прижав руки к животу — Дунпин-ван успел пнуть его, — евнух поспешно опустился на колени:

— Раб оскорбил вана, да помилует меня Ваше Величество.

А Дунпин-ван всё барахтался на полу, бормоча в пьяном бреду: то обзывая окружающих слепыми псами, то голоса про «трон и драконье кресло», а временами и вовсе величая себя «Я».

Император холодным взглядом окинул жалко выглядящего Дунпин-вана:

— Отправьте его обратно в резиденцию.

Тон был абсолютно ровным, но от него у присутствующих в зале снова перехватило дыхание.

Цзун Ай суетливо замахал младшим евнухам, и те с почтительными лицами поволокли пьяного Дунпин-вана вон. Глядя на эту лужу грязи, император больше не испытывал отцовского разочарования — оставалось лишь безразличное отвращение того, кто стоит на вершине власти.

Покушение, беженцы...

Император изначально догадывался насчёт несчастных в пригороде: всё это было ловушкой, расставленной против Дунпин-вана. Жаль только, что тот оказался самонадеянным дураком и ничего не понял. Вернее, Дунпин-вану было глубоко плевать на жителей собственного удела, так что поплатиться за свои поступки — вполне закономерная кара...

Император произнёс:

— Глупец, одержимый слепыми амбициями.

Тоба Юй всё так же почтительно и смиренно стоял на коленях. Услышав слова императора, которые казались камнем в его собственный огород, он на миг помрачнел взглядом, но тут же вновь принял бесстрастное выражение лица.

Тоба Юй:

— Прости меня, Августейший отец.

Взгляд Тоба Цзюня был прикован к князю Наньяню, но тот по-прежнему стоял на коленях, опустив голову, и лица его разглядеть было невозможно. Лишь горестные слова покаяния выдавали его истинные намерения.

Будь то беженцы или покушение — всё затевалось ради того, чтобы устранить его, а вину свалить на Дунпин-вана. Даже если бы он выжил, князь Наньянь всё равно воспользовался бы моментом, чтобы утащить Дунпин-вана на дно.

Обменявшись взглядом с Тоба Цзюнем, император потёр переносицу и наконец вынес решение:

— Объявляю мою волю: за жестокость и своеволие Дунпин-вана отныне заточить в резиденции, без высочайшего повеления не выпускать.

Тоба Юй простёрся ниц, а затем покорно покинул тронный зал. Он сохранял полное спокойствие даже тогда, когда император оставил князя Гаояна для беседы с глазу на глаз, и казался абсолютно преданным.

Тоба Цзюнь перевёл взгляд на стоявшего позади Цзун Ая:

— Дед, евнух Цзун пострадал, не верите ли вызвать лекаря, чтобы осмотреть его?

Император устало потёр лоб и махнул рукой:

— Цзун Ай, ступай отдохни, пошли лекаря осмотреть твои раны.

Цзун Ай поспешно опустился на колени:

— Благодарю Ваше Величество, благодарю Ваше Высочество.

Поддерживаемый младшим евнухом и придерживая живот, он вышел из главного зала. Однако едва отвернувшись, напустил на себя мрачное и тревожное выражение. Незаметно для окружающих он сжал руку поддерживавшего его евнуха, и тот, поняв знак, незаметно для всех шмыгнул в переулки дворца и растворился в темноте.

Цзун Ай лихорадочно размышлял: неужели то обстоятельство, что князь Гаоян отправил его прочь, означало, что тот догадался о чём-то...

Глава 38. Ли Чанжу (38)

Когда все разошлись, лицо императора слегка расслабилось. Он посмотрел на молчаливого внука:

— Что именно удалось выяснить А-Цзюню?

— Сын не смеет говорить понаслышке...

Встретившись с полным доверия взглядом императора, Тоба Цзюнь всё же решился произнести:

— Похоже, евнух Цзун каким-то образом связан с князем Наньанем.

Цзун Ай прислуживал при императоре долгие годы — практически с самого его восшествия на престол.

Но император чувствовал себя постаревшим: предательство близкого человека больше не вызывало в нём прежней бури гнева, осталась лишь глухая, унылая неприязнь.

— Рука князя Наньяня незаметно протянулась даже к моему собственному двору.

Видимо, придётся ускорить все заготовленные планы, либо же как можно скорее прижать этого сына к земле, пока он вновь не замутил воду.

В душе императора созрел и окреп окончательный замысел. Взглянув на встревоженного внука, он внезапно обмолвился:

— Слыхал, ты привёл во дворец девушку? Хочешь, я пожалую вам свадебный указ?

.....

Резиденция князя Наньянь.

Указ императора о даровании князю Гаояну невесты был обнародован с наступлением сумерек. Тогда же стало известно и о заточении Дунпин-вана с лишением его полномочий. Две громкие новости всколыхнули казавшийся спокойным императорский город, породив немалый шум.

Но для резиденции князя Наньянь это известие обернулось ледяным погребом.

Мрачная ночная тьма словно собиралась поглотить всё живое. В кабинете трепетали свечи, отбрасывая на стену мечущуюся тень мужчины, напоминавшую меняющего форму зверя. Густой запах крови, стоявший в покоях, делал атмосферу ещё более жуткой и зловещей.

Чэн Ань, наказанный пятьюдесятью ударами плетей, стоял на коленях во внутренних покоях, находясь на пределе человеческих сил. Кровь из располосованной спины уже натекала вокруг него небольшой лужицей, но он всё ещё держался из последних сил, не смея поднять голову.

— Раб виновен...

Взгляд Тоба Юя скользнул по истерзанной спине слуги. Голос его звучал ровно, с оттенком горькой, самоуничижительной насмешки:

— Стоит человеку переменить сердце, как удержать его уже не в силах никто...

Этот смех эхом разнёсся по пустому залу. Чэн Ань невольно вздрогнул, не смея произнести ни звука.

Убить князя Гаояна, чтобы подставить Дунпин-вана... Ван всегда был осторожен, но на этот раз впервые решился на столь рискованный шаг лишь потому, что автором идеи была Третья госпожа.

В конце концов, всё это обернулось услугой для Третьей госпожи: покушение принесло ей жалость князя Гаояна, а следом — и императорский указ о свадьбе. Та, что недавно кружила вокруг вана, заигрывая с ним, в мгновение ока превратилась в будущую законную супругу князя Гаояна.

Чаша для вина давно разбилась. Тоба Юй сжимал в руке оставшийся осколок, словно драгоценность, которую не желал выпускать, позволяя тёплой крови сочиться сквозь пальцы:

— Почему даже ты поступил со мной так?..

Капли крови падали на холодный узор из розового дерева, распускаясь резными пятнами ослепительной красноты.

Чэн Ань опустил голову ещё ниже. Сколько времени прошло в коленопреклонении — неизвестно, но глубокой ночью снаружи внезапно послышался лязг доспехов.

Подняв глаза, он увидел, что дворцовая стража заполнила всю резиденцию. Сияние лат и обнажённые мечи создавали атмосферу надвигающейся бури, тяжёлую и напряжённую.

— князь Наньань, Его Величество зовёт вас...

Тоба Юй, словно предчувствуя неладное, чуть дёрнул уголком рта:

— Смотри-ка, до чего же у неё жестокое сердце.

Она уже не могла дожидаться, чтобы перебросить мост и тут же разбить его за собой.

.....

Император только что расправился с одним сыном, а теперь из-за другого был вынужден проводить ночной допрос. Лицо его было помрачневшим. Устремив тяжёлый взгляд на стоявшую внизу женщину, он холодно бросил:

— Госпожа Ли, понимаете ли вы, что говорите?

Одновременно с этим его взгляд украдкой скользнул по безмолвной фигуре Тоба Цзюня, застывшего в углу. Монарх мысленно удивился: этот добряк внук, казалось, тоже научился действовать на опережение...

— Ваше Величество, всё сказанное вашей служанкой — чистая правда.

Чиюнь Роу стояла на коленях, её лицо искажала сдавленная смесь безумной ненависти и торжества. Голос её звучал высоко и резко:

— Вторая госпожа нашего дома давно мертва, её тело уже отыскали. А нынешняя наложница князя Наньань — вовсе не наша Вторая госпожа, а сбежавшая северо-лианская принцесса Фэн Синьэр из Княжества Хэси! Она проникла в Пинчэн с остатками мятежников, чтобы отомстить. князь Наньань не только знал об этом, но и помогал прятать преступницу — её можно найти прямо в резиденции князя Наньань, стоит Вашему Величеству лишь обыскать дом!

Свидетельницей выступала, разумеется, Цзюнь Тао, заточённая в темнице, вместе с самой Ли Вэйян. Седьмая наложница при дворе подтвердила отсутствие родимого пятна, а когда ей показали начавшееся разлагаться тело, она от ужаса лишилась чувств прямо во время допроса, что лишь послужило наилучшим доказательством подлинности личности Ли Вэйян.

Император вперил взгляд в Тоба Юя:

— Что ты скажешь в своё оправдание?

Выслушав обвинения по всем пунктам, Тоба Юй не изменился в лице — он выглядел так, будто в нём окончательно погасла жизнь:

— Сын виновен и не имеет оправданий.

Император и сам собирался прижать князя Наньань, так что под таким благовидным предлогом грех было не воспользоваться ситуацией. К тому же личность северо-лианской принцессы была установлена сомневаться не приходилось: князь Наньань без всяких на то оснований укрывал беглую мятежницу и втайне допрашивал её, а подобное не поддавалось никаким оправданиям.

А с кляпом во рту Ли Вэйян яростно вытаращила глаза, исступленно мыча сквозь повязку. Они, жители Северной Ляни, вовсе не мятежники, они — жертвы клеветы! Почему Тоба Юй не оправдывается? Почему император не даёт ей слова? Почему они позволяют таким амбициозным людям, как клан Чиюнь, торжествовать победу?..

Император лишь нахмурился. Как бы Ли Вэйян ни билась, её молча увели прочь, не позволив произнести ни единого осмысленного слова до самого конца. На лице Чиюнь Роу промелькнуло мстительное торжество, но следом кольнуло лёгкое беспокойство.

Поверил ли в итоге император или нет?

В наступившей тишине каждый в зале чувствовал смертельную опасность. Лишь обвинённый Тоба Юй стоял с отрешённым лицом, словно перенеси он страшнейший удар.

Наблюдая за его сокрушенным поражением, император хоть и нахмурился, но всё же отдал приказ.

За одну ночь посадить под арест двух родных сыновей... Интересно, что напишут об этом в исторических хрониках?

На троне повеяло холодом.

Император потёр переносицу и, услышав шаги, с лёгкой улыбкой обернулся:

— Ты чего это вернулся?

Тоба Цзюнь на миг замедлил шаг и опустился на колени:

— Сын виновен.

Люди Чиюнь Роу действовали далеко не так расторопно, как императорская стража. Тоба Цзюнь взял под контроль всех, кто хоть как-то контактировал с Ли Вэйян, и по ходу поисков отыскал тот самый труп с явным родимым пятном, после чего тайком переправил его Чиюнь Роу. Та, разумеется, ухватилась за возможность и бросилась обвинять соперницу перед тронном.

То, что его дядя укрывал мятежников, было неоспоримым фактом; к тому же он замыслил покушение и косвенно причинил боль ей.

Тоба Цзюнь не раскаивался в том, что использовал этот план, но чувствовал лёгкую вину за то, что действовал за спиной императора без его ведома, поэтому и явился с повинной.

Если прежде император действовал по ситуации, то теперь он действительно почувствовал отцовское утешение:

— А-Цзюнь вырос, я не стану винить тебя...

Ему всё же стоило заранее подстелить соломку для этого ребёнка.

Власть подобна песку в ладони — только сжав кулак до побеления, можно не бояться её утратить. Оставалось лишь радоваться, что его преемник это понимает.

— Когда ты женишься, некоторые дела тоже перейдут в твои руки...

Яркая луна висела высоко в небе, и император, заложив руки за спину, разглядывал черноту ночи, пока в мыслях не всплыло нечто смутное:

— Та принцесса Северной Ляни...

— Прикажете за ней хорошо ухаживать, смотрите, чтобы осталась жива...

Глава 39. Ли Чанжу (39)

В глубине императорского дворца.

Императорский указ был оглашён. Кронпринцесса осталась недовольна тем, что сын совершил сперва поступок, а уже потом доложил о нём, и потому покинула дворец, вернувшись в резиденцию. Тоба Цзюнь же, теперь на законных основаниях исполнявший роль жениха, ни на шаг не отходил от постели, желая первым встретить пробуждение девушки.

Чанжу пришла в себя на следующую ночь. Открыв глаза, она сквозь пелену полусна увидела бледное и осунувшееся лицо юноши.

— Ваше Высочество?

Во дворец допускали только своих. Тоба Цзюнь в несколько шагов оказался у кровати, бережно приподнял девушку и усадил, прижав к себе. Он лично взял пиалу с лекарством, аккуратно и

заботливо поднося её ко рту, а на закуску приготовил засахаренные фрукты, чтобы перебить горечь. Все его движения были до того привычными и трепетными...

Заметив, что растерянные служанки переглядываются, лишившись привычных обязанностей, Чанжу тихонько усмехнулась и остановила его хлопоты:

— Ваше Высочество, посидите со мной просто так...

Служанки наконец нашли предлог удалиться и поспешно заговорили:

— Не желает ли Ванфэй отведать немного сладостей?

Ванфэй?

Тоба Цзюнь послушно присел рядом, вглядываясь в её уставшие и изумленные глаза:

— Император пожаловал нам свадебный указ...

Сегодняшний день заставил его сполна ощутить ужас и боль от мысли, что он едва не потерял её. Жажда обладать ею стала ещё острее, поэтому, когда император заговорил о свадьбе, он даже не думал отказываться — да и не хотел.

Только вот...

— Если ты не хочешь...

Чанжу лишь на миг удивилась, после чего приняла новость с полным спокойствием. Отослав служанок, она заметила боковым зрением легкое напряжение на лице юноши и не удержалась от утешения:

— Чанжу хочет...

Если бы не этот титул законной жены, она бы никогда не пошла на такой риск.

<http://bllate.org/book/25199/3001749>